Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Железная Дева, или И стория в стиле хэви метал

«Iron maiden (железная дева) — устройство, якобы средневековое орудие святой инквизиции, представляющее собой сделанный из железа шкаф в форме женской фигуры, внутренняя поверхность которого усажена длинными острыми гвоздями и снабжённое приспособлением для удушения. Сам факт существавания данного устройства большинством историков ставится под сомнение.»

Из материалов википедии.

«От беды не застрахован никто. И приходит она негаданно-нежданно. Бывает так, что к несчастью приводит череда случайных событий, а бывает, что оказываешься в полном дерьме по чьему-то злому умыслу. Во времена французской революции Людовик XVI взошёл на эшафот лишь по стечению обстоятельств, когда голосование депутатов якобинского конвента разделилось поровну, и судьбу его решило всего несколько голосов. А Жанна д'Арк попала на костёр по вполне закономерным причинам, оказавшись неугодной и неудобной фигурой для нечистых на руку служителей церкви и трона. Наивной и неграмотной девушке зачитали отречение от ереси и подсунули документ совсем иного содержания, на котором она сама себе подписала смертный приговор, собственноручно поставив под непонятным ей текстом жирный крест. По сути, её подставили в угоду личных амбиций деятели инквизиции. Что характерно, Орлеанская Дева с самого начала подозревала, что плохо кончит. Потому как ей приходилось постоянно иметь дело с тщеславными и алчными властолюбцами. Сейчас другой век и совсем иные отношения в обществе. Тем не менее, ничего не изменилось, и по сей день кто-то расплачивается за чужие грехи.»

Из дневника Энн-Мари Фишер.

Наступило тихое субботнее утро и проснувшись, я продолжала валяться в постели. Напряжённая рабочая неделя осталась позади и теперь можно было расслабиться. Пойти на свежий воздух, прогуляться на природе, прошвырнуться по магазинам. Купить себе любимой какую-нибудь цацку-побрякушку. Всходило солнце, и день обещал быть ясным, тёплым и безмятежным. Как я люблю выходные. Не надо чуть свет вскакивать, и разлепляя по пути сонные глаза, как угорелая бежать галопом умываться, собираться, торопиться. Наспех наводить макияж и спешить, спешить на эту проклятую чёртовую работу. Чтобы не дай бог не опоздать, не получить нагоняй от начальства и не попасть в чёрный список на увольнение. Все оправдания о том, что у трамвая колесо спустило, или по дороге враги проткнули бензобак, не принимались. Терпеть не могу эту беготню, когда в итоге не хватает каких-нибудь пяти минут. Я люблю выходные за то, что не надо никуда спешить и мчаться, вывалив язык на плечо. Можно валяться, лениться и делать то, что тебе заблагорассудится. Те, кто рано встают и спешат на работу, меня поймут. Успевает всюду тот, кто никуда не торопится — говорил профессор Преображенский доктору Борменталю в культовом Булгаковском романе. И был этот профессор глубоко архинеправ. Уж кому-кому, а ему с его частной практикой как раз торопиться было и некуда. Как говорится — сам себе режиссёр. Неспешно сварив кофе, я достала косметичку и приготовилась наводить макияж. Зазвонил сотовый. Вот блин. Я же вчера ещё хотела его выключить к чёртовой бабушке до самого понедельника. Не буду брать. Но он продолжал звонить, и это начинало действовать мне на нервы.

— Ольга, ты дома. Слава богу — звонила моя подружка — соседка по лестничной клетке — пожалуйста, выручи разок, ну очень надо.
— Да что случилось?
— Послушай, подмени меня в моей торговой точке на пару часов, мне срочно за товаром надо ехать, а напарница как назло ушла на больничный и уехала в какой-то санаторий.
— Чем я тебе помогу? Как? Я не продавец. Я не умею. Я тебе тут такого наторгую.
— Слушай, тебе ничего не надо делать. Просто постой за прилавком. Будут покупатели, скажи что кассовый аппарат не работает, а напарница побежала за ключами от него и скоро будет.
— Я не могу, я вообще-то уходить собралась.
— Ну пожалуйста, такая ситуация. Напарницы нет, но ты легко сойдёшь за меня. Мы ведь похожи. Если я в такой проходной день закрою магазин хоть на полчаса, Павел Сергеевич меня просто убъёт. Без зарплаты оставит. Два часа всего-то делов. А с меня потом магарыч. Ты же знаешь, у меня не заржавеет.
Что же, она права. Мы были с ней похожи. Абсолютного сходства конечно не было. Если присмотреться, то различия хотя бы в цвете глаз, и лицо у меня более округлое, да и моложе я на три года. Тем не менее, соседи по подъезду нас часто путали. Я задумалась. А что, собственно, я теряю. Ну поторчу за прилавком пару часов. С меня не убудет в конце концов. Выручу, так и быть. А погулять ещё успею. Весь день впереди. Ну и завтра тоже выходной. Ладно.
— Ладно — сказала я — так и быть, уломала. А кто такой Павел Сергеевич?
— Да шеф мой. У меня доля в его магазине. Ну ты молоток. Спасибо подружка, выручаешь. Я внизу в машине тебя жду. Поторопись, а то мне открываться ровно в десять.
Опять поторопись. Ну сама виновата. Послать бы надо было эту чёртову Маринку со своим магазином куда подальше. Так нет, дала себя уговорить. Я спустилась вниз и возле подъезда меня поджидал сверкающий красно-серебристый с иголочки хундай соната в новом исполнении кузова. В нём за рулём гордо восседала моя подружка. Где-ж люди деньги-то берут на такие вот роскошные машины. Дома трёхуровневые себе возводят в рекордно короткие сроки. По заграничным курортам шастают. И всё прибедняются. А ты как пашешь от аванса до получки, так и обувь себе приличную купить не можешь.
— Ну поехали — сказала Маринка надавив на газ, когда я удобно устроилась рядом. Машина плавно и почти бесшумно тронулась с места.
— Неплохая тачка. На зарплату такое не купишь. Не по средствам живёшь — пошутила я.
Марина лишь махнула рукой.
Мы вошли в небольшой капитальный магазинчик, расположенный недалеко от оживлённого перекрёстка и Марина завела меня за прилавок. Вокруг на вешалках висели брюки, платья, халаты. У стен снизу доверху штабелями в коробках громоздилась обувь. Приятно пахло выделанной кожей и мануфактурой. Магазин чуть ли не доверху был набит разномастным товаром вплоть до дорогой косметики, и я ещё подумала, что какой товар тут ещё получать. Здесь и так всего как на складе полным-полно.
— Слушай, Марин, я что-то боюсь. Тут так много всего. У меня не получится.
— Так. Сделай уверенный вид и ничего не бойся. Это ненадолго. Одевай вот эту фирменную униформу и надень на себя мой бэйдж.
— Но там же твоя фотка.

— Да на фотке вылитая ты. Ты, главное, стой за прилавком или сиди вот тут на стуле, чтобы тебя видно было. Ну, чтобы магазин работал. А если кто что спросит, не продавай. Скажи про кассовый аппарат. А так — пусть смотрят, выбирают, прицениваются. Вон там в углу примерочная. Большинство покупателей сами знают, что им нужно. Здесь везде есть ценники. А я мигом туда и обратно. Я скоро. Ты, главное, рабочее место не покидай до моего прихода, а то потом у меня могут быть большие проблемы.

— Ладно, только нигде не задерживайся.

— Само собой, туда и назад.

И она уехала. Я посмотрела на бэйдж. На нём было написано: «Продавец-консультант Марина». И её фотография. Ну ладно, волосы у меня как у Марины, они выглядели почти одинаково благодаря одной и той же краске, которую она мне продавала по дешёвке и сама ей красилась. Если не очень присматриваться, то запросто сойду за неё. Но какой я к чёрту консультант. Я же ничего в этом не смыслю. А если попросят рассказать про товар, то буду выглядеть полной дурой. Ох, скорей бы уже приезжала. Часы медленно отсчитывали минуты, а я стояла за прилавком и нервно теребила край униформы. Время словно остановилось. А если её шеф заявится. Уж он-то сразу заметит подмену. Тогда придётся всё ему рассказать. Вот скандал-то будет. Но время шло и никого не было. За стеклянными дверями магазина по тротуару сновали прохожие, но внутрь пока никто не заходил. И вот на другой стороне улицы я увидела трёх человек. Женщина лет тридцати пяти и двое парней помоложе. Они вышли из остановившегося чёрного шевроле и теперь с интересом смотрели в мою сторону. О чём-то переговариваясь, троица перешла дорогу и вошла в помещение магазина. Один из парней тут же встал возле двери, а женщина в сопровождении второго, не обращая внимания на многочисленный товар, подошла к прилавку. — Ну, здравствуй, Мариночка. Что, смыться надумала? От меня удрать не получится.

— Вы кто такая? Я вас не знаю.

— Конечно не знаешь. Но скоро узнаешь. А Татьяну Викторовну помнишь?

— Не знаю я никакой Татьяны Викторовны. Что вам от меня нужно?

Они бесцеремонно вошли за прилавок. Женщина нагло взяла меня за подбородок и приблизила ко мне своё бесстрастное лицо.

— Ты дуру из себя не строй. Где документация? Где камушки? Где рыжьё? Где твой Пашик? Ты знаешь, что у нас бывает за кидалово?

— Я н-н-не знаю, я не Марина, меня просто попросили тут постоять за неё.

— Ну ты даёшь. Ничего глупее не придумала? Только у меня твой дешёвый цирк не прокатит, свою долю я из тебя выдавлю — сказала женщина и внезапно наотмашь тыльной стороной ладони хлестнула меня по щеке.

От неожиданности я потеряла равновесие и повалилась на руки стоявшего сзади крепыша. Тот подхватил меня под руки, и тут же зажал мне рот ладонью.

— Давай пакуй её. Меня предупредили, что с ней будет непросто — сказала дама стальным голосом и стала рыться в ящиках стола, выворачивая на пол всё содержимое — что-же, снимаю шляпу, выследить тебя было нелегко. Умеешь сучка следы заметать. Но я знала, что твоя жадность тебя когда-нибудь погубит, и что ты так или иначе где-нибудь всплывёшь.

В руке крепыша тут же появился кулёк, откуда он извлёк обильно смоченный какой-то вонючей жидкостью носовой платок. В следующий момент он плотно наложил его мне на лицо, закрывая нос и рот. Я попыталась освободиться, как-то закричать. Но фиксация была

надёжной. Я задерживала дыхание насколько могла, пытаясь ударить его шпилькой туфли по ноге, но воздуха катастрофически не хватало. Женщина повернула голову в мою сторону и спокойно смотрела мне в глаза. Поднеся руку к моему лицу, она нежно гладила меня за подбородок.

— Ты прелесть — говорила мне она.

Наконец я судорожно вздохнула. Пары вонючей дряни тут же ворвались в мои лёгкие и перед глазами всё поплыло. Тело перестало слушаться, и теряя сознание я вдруг подумала: Эх, Марина, Марина. Меня-то за что подставила.

***

Я очнулась и открыла глаза. Я сидела в неудобной позе на низком стуле посреди небольшой комнаты с обшарпанными стенами. Окна были плотно занавешены и комнату освещала тусклая лампочка под низким потолком. Кроме меня в помещении никого не было. Я была накрепко примотана к стулу верёвкой, а руки были заведены за высокую спинку и зафиксированы наручниками. Рот от уха до уха был заклеен широким скотчем и дышать я могла только через нос. Чуть поодаль возле стены стоял наполовину ободранный диван и рядом с ним ещё один стул. Сколько времени я здесь находилась, я не знала. Где я вообще? Как долго была без сознания? Что они со мной собрались делать? Эти вопросы сами собой возникали в моей голове. Тугие верёвки врезались в тело и шевелиться было больно. Ноги мои так же надёжно были примотаны к ножкам стула. Голова болела и во рту ощущался солоновато-горький привкус. Влипла. Теперь я понимала, что Маринка принимала участие в какой-то афёре. Скорее всего, они вместе со своим боссом решили ни с кем из подельников не делиться, и смылись в неизвестном направлении. А меня, лошицу, подставили для того, чтобы про них на время забыли, и они успели как следует замести следы. А там — ищи ветра в поле. Теперь мною займутся всерьёз, а сладкая парочка тем временем растворится. И вправду хитрая. Но как этим людям объяснить, что я не та, за кого они меня принимают.намокают, и внизу живота пульсирует блаженство. Теперь я уже не хотела, чтобы насильница убирала от меня свои руки. Сначала один, а потом и второй палец проникли в мою раскрывшуюся пещерку и настойчиво тревожили клитор. Я подавалавсь навстречу, невзирая на впившиеся в моё тело верёвки. Лицо её приближалось к моему и я ощущала на себе горячее дыхание. — Я буду тебя целовать — сказала Ирина — ты ведь хочешь этого?

— Пожалуйста — произнесла я, и сама уже не знала, означает это отказ или согласие.

Мягкие губы прижались к моим. Язычок впорхнул в мой рот и стал хозяйничать, нащупывая мой. Наши языки переплелись в долгом страстном поцелуе. Краем глаза я видела, как двое бычков отвлеклись от своего занятия и внимательно за нами наблюдают. Наконец, женщина оторвалась от моего лица и интенсивнее задвигала пальцами, продвигая их в меня ещё глубже. Толчки сладостной истомы вспыхивали во всём теле и блаженством отзывались в голове. Приближался первый оргазм. Женщина внимательно и сосредоточенно смотрела на меня.

— Расслабься и получай удовольствие. Где камни? — спросила она.

— О-х, я хочу сказать тебе всё, всё, что ты захочешь, но этого я не знаю — с этими словами меня накрыл могучий оргазм, и судорога прокатилась по телу несколько раз.

— Ну, уже кое что. Ладно, отдохни немного. Потом продолжим.

И она, вытерев мокрую руку о моё лицо, вышла из комнаты. Двое парней какое-то время за мной наблюдали, потом вернулись к своей игре.

— Классная тёлка. Как она возбуждается. Мой дружок встал.
— Ирка сейчас с ней работает. Как закончит, я скажу, чтобы она нам её отдала.
— Ладно, подождём. Семёрка козырная на твоего туза. Если я сейчас выиграю, то я первый её трахаю.
— Хорошо, но если я тебя поймаю на жульничестве, то я буду первый.
— По рукам, замётано.
Я сидела и беззвучно рыдала, опустив голову и роняя частые слёзы. Я по-прежнему была крепко привязана к стулу и ублюдки в моём присутствии играли на меня в карты. Минут через десять вновь появилась эта Ирина. Теперь в её руках была короткая плётка в несколько тонких кожаных хвостов. Цокая каблучками, она молча обшла меня вокруг и я почувствовала, как мягкие руки отстёгивают мне наручники.
— Правда неудобно заниматься любовью со связанными руками? — говорила она и отматывала меня от стула — не можешь ответно приласкать своего партнёра.
Освободив мои руки, она отмотала верёвку мне до пояса и стояла передо мой поигрывая плёткой. Ноги мои всё равно оставались плотно зафиксированы к стулу и я уже перестала их чувствовать.
— А у меня сюрприз для тебя — сказала она и мягко провела рукояткой плётки по моему лицу. Скажи, я тебе нравлюсь? — продолжала она нагло спрашивать.
Я молчала, опустив голову. Мне было стыдно. Меня изнасиловала женщина лет на десять старше, и я почему-то получила удовольствие.
— Отвечай — строго потребовала она и она коротко замахнулась.
Раздался тонкий свист рассекаемого плетью воздуха. В глазах тут же потемнело от боли. Она пронзила меня от плеча до бедра вдоль всей груди по диагонали и я застонала, выгнувшись вперёд.
— Ой, не надо, чёрт, как больно, вы мне нравитесь, нравитесь.
— Где камни? — спокойно спросила эта Ирина и снова замахнулась.
— Не бейте, я не знаю.
— Эй, Ира, не попорть ей шкурку, мы после тебя ещё хотим эту девочку приласкать — сказал один из парней.
— Заткнись и не мешай мне. Пусть Татьяна Викторовна решает, может она потом себе её заберёт.
— Ну так а ты позвони ей после.
— Ладно, больше хлестать не буду, это не мой метод.
Она скинула с ноги туфель, поставила ногу на стул между моих ног, и придвинула вперёд, уперевшись голыми пальцами в мою промежность. Ожидая недоброе, я инстинктивно сжалась и охнуть не успела, как плеть туго обвила мою шею. Затянув узел сзади, Ирина постепенно его закручивала и всё время строго смотрела мне в глаза. Я вцепилась в удавку обеими руками, но ослабить хватку не могла. А женская нога всё двигалась вперёд и в моё влагалище проникли пальцы её голой стопы. Ласкали они так же мягко, и вновь во мне поднималась предательская похоть. Ирина положила руку мне на голову и наклонила её вниз, прижав к своему бедру, а второй рукой продолжала неумолимо закручивать петлю.
— Целуй мне ногу — тихо и по-прежнему строго сказала она.
И я прижалась губами к бархатисто-атласной коже женского бедра, медленно водя по ней языком. Под юбкой я видела, что Ирина без трусов и аккуратно выбритый треугольник

источал нежный манящий запах. Но голова моя была зафиксирована и мне было сейчас до него не добраться. Наконец воздух перестал поступать и я стала задыхаться. Однако вновь разлившаяся по телу страсть захватила меня всецело, а удушье почему-то усиливало блаженный экстаз. Воздуха не хватало всё сильнее, но я выпустила из рук ремешки плётки, пережавшей мне горло, и обнимала женскую ногу, одной рукой поглаживая влажный треугольник и проникая кончиками пальцев между половых губок. Пальцы её ноги ритмично стимулировали мой клитор, и я трепетала.

— Интересно, ты кончить успеешь, или сдохнешь раньше — спкойно проговорила насильница, продолжая закручивать петлю.

И тут, на самаом пределе, теряя сознание, я ощутила блаженство вперемешку с каким-то диким восторгом. Новый оргазм взорвался в голове разноцветными звёздами. Потом наступила тьма.

Я открыла глаза, и не сразу поняла, где нахожусь. Память постепенно возвращалась и я вспомнила. Теперь я лежала на полу полностью обессиленная и жадно хватала ртом воздух. Горло болело, и было трудно глотать. Верёвок на мне уже не было. Медленно повернув голову набок, я провела рукой по лицу. Оно было мокрым. Кто-то брызгал на меня холодной водой, приводя в чувство. Справа я видела стоящие передо мной ноги на каблуках, и один каблучок пристукивал по полу, выдавая нетерпение хозяйки.

— Очухалась — послышался рядом мужской голос — Ирина, ты чуть её не удавила. Знаешь, что тебе от Татьяны Викторовны будет?

— Не беспокойся. Я отвесила ей столько, сколько положено. Я всегда чувствую границу.

Она опустилась передо мной на корточки и вновь начала ласково гладить по моей щеке.

— Где камни? — вновь спросила она.

— Я не знаю — сказала я и горько разрыдалась.

— Не плачь дурёха, скажи мне — вкрадчиво говорила Ирина — ты можешь прекратить всё прямо сейчас, если расскажешь мне где брюлики, золото, ценные бумаги. Скажи хотя бы где этот уродец Пашик. Ведь он тебя недостоин. Как только он попадёт в мои руки, уверяю, он сразу же тебе изменит. Вместе со мной. Он сразу разговорится. А может, ты успела часть реализовать? Тогда где мои деньги? Если не хочешь, чтобы они слышали, то я их сейчас отправлю отсюда. Расскажи мне, ведь ты меня любишь. Я знаю, что любишь. Расскажи, и я сделаю тебе по-настоящему хорошо, ведь такие ощущения не заменят никакие деньги.

Я рыдала и рыдала, и слёзы лились из моих глаз. Если бы я знала. Я готова была бы всё ей отдать. Но Марина про свой теневой бизнес передо мной ни разу не заикнулась.

— Не знаю, я клянусь. Я не Марина. Меня Оля зовут. Марина моя знакомая.

— Да? Ну тогда я — царица Савская. Видать, Мариночка, у нас с тобой будет любовь до гроба. До твоего гроба.

Я ревела, а она нежно гладила меня по лицу. Потом по-хозяйски уселась мне на грудь и придавила коленями мои руки к полу.

— Хочешь, я тебя поцелую? — томно спросила она.

— Не надо — рыдала я в ответ.

— Почему. Такая симпатичная девочка, и не желает со мной целоваться — она приближала своё лицо к моему и снова ласкала мой набухший холмик — ведь я красивая, я знаю. Многие, очень многие хотели бы со мною целоваться. А ты почему-то не хочешь, гадкая упрямая девчонка. Даже не знаю, что я с тобой сейчас сделаю. Но поцелую всё равно. Тебе понравится,

обещаю.
Снова, как в прошлый раз, я предательски потекла и прерывисто задышала. Ирина со знанием дела медленно сжимала и разжимала ладонь, зажав между пальцами сосок на моей груди. Низ живота опять предательски наполнила сладкая истома, и я выгнулась, нежно застонав. Я чувствовала нутром, что трахает она меня в последний раз, и если не выжмет из меня нужную ей информацию, то живой мне не быть.
— Где документация? — спросила ласково она, обдавая меня страстным горячим дыханием.
— Я бы сказала, но не знаю.
— Я люблю тебя — сказала она, и в который раз припала к моим губам.
Я отвечала на стимуляции и целовалась с ней. Рука её ласкала мою грудь а вторая гладила уже вдлль половых губок у меня между ног. Внезапно Ирина оторвалась от поцелуя и снова молниеносным движением обхватила плёткой мою шею.
— Не надо — вскрикнула я, пытаясь выдернуть руки из под её колен.
Но женщина уже опять закручивала удавку на моей шее. Теперь уже спереди, не спеша перекрывая воздух. И снова она в который раз прижалась к моим губам в страстном поцелуе, запустив в мой рот свой язычок. Пальцы втрой руки проникли во влагалише, и опять методично тревожили мой многострадальный клитор. Волна безумной страсти закипела в моём теле, и я отвечала на поцелуй, невзирая на недостаток воздуха. Удавка продолжала затягиваться и воздух снова перестал поступать. Я подавалась навстречу, не обращая на это внимания, и целовалась нежно, как могла. Словно собиралась унести этот поцелуй с собой в могилу. То, что он действительно последний в этой жизни, я знала наверняка. Ощущение близкого конца усиливало мою страсть во много раз, и я поняла, что успею застать прощальный и самый яркий оргазм. Поцелуй продолжался, и пальцы медленно скользили по мокрому клитору. В голове стучало молотом. Перед глазами плыли красные круги, и пальчик на удавке ласково гладил меня за подбородок. В глазах начинало меркнуть, и тьма надвигалась со стремительной быстротй. И в этот самый миг оргазм ворвался в мою голову яркой радугой всех цветов, по телу прокатилась волна судорог. После чего наступила ночь.
Но странно, вдруг где-то вдалеке мелькнула полоска ярко-голубого цвета. Она увеличивалась и росла в размерах, стремительно вытесняя черноту. Теперь вокруг меня колебался бескрайний океан кристально чистой безбрежной синевы. Я будто в нём плыла, не чувствуя своего тела. Мне было хорошо и спокойно. Вдали мерцал искрящийся овал, и постепенно обретал очертания колодца. Расплывчатые границы его мерцали и неуклонно приближались. Я плыла, и этот колодец манил меня своим нежным светом. Я почему-то знала, что там, на том конце коридора меня ожидает светлый дивный мир. Без злобы, зависти и алчности. Где все равны и счастливы. Там, где царит вечная гармония и истинная любовь. Я знала это. И неведомая сила увлекала меня прямо туда. Но внезапно всё померкло, и я стремительно возвращалась назад. Я видела уже ту самую обшарпанную комнату, и на грязном полу лежало распростёртое безжизненное девичье тело с глубокой бороздой на шее. И я вернулась в это тело.
Я открыла глаза, и первое что увидела, как двое тех самых парней склонились надо мной. Один из них руками запрокидывл мне голову и с шумом выдыхал в меня воздух, плотно прижимаясь к моим губам. Второй, уперев руки в мою грудную клетку, ритмично её продавливл и отпускал, наваливаясь всей массой своего тела. Оба работали слаженно, и это означало, что они делают мне закрытый массаж сердца и искусственное дыхание. Меня саму

когда-то этому учили. Они меня реанимировали. Значит, я побывала за чертой небытия. Как же там было хорошо. Но туда меня не пустили. Я постепенно приходила в себя и начинала улавливать обрывки разговора. Строгий женский голос говорил:

— Ира, мне здесь покойники не нужны. Мне нужна информация. Понимаешь? Ин-фор-ма-ци-я. Ты что натворила. Пашик исчез. А шалаву ты грохнула. Что прикажешь с ней делать теперь?

— Татьяна Викторовна, она упёртая. Ничего говорить не хотела. Ей что, позволить надо было уйти с бабками?

— Татьяна Викторовна, мы откачали её. Она пришла в себя, пульс есть, и она открыла глаза — это сказал уже крепыш — она живая.

— Тебе повезло, дура — сказала Татьяна Викторовна.

Женщина подошла ко мне и склонилась надо мной. Какое-то время она молча меня разглядывала, а затем встала и резко повернулась к Ирине.

— Это не она, ты кого сюда притащила.

— Как это не она. Вот фотка, вот другая. Вот третья. Здесь вообще крупный план. Я сравнивала со всех сторон. Она за прилавком стояла. Это её рабочее место. Никого другого там не могло быть по определению. Вот бэйдж, который я с неё сняла. Не шутите так.

— Да, Мариночка оказалась поумнее нас всех. Эта девица и вправду ничего не знает. Это не Марина, хотя очень на неё похожа. Тебя обвели вокруг пальца. Всё, сворачивайтесь и живо на поиски. Они ещё где-то недалеко. И чтобы больше никаких проколов. Пробейте вокзалы, аэропорты, вобщем ищи, не мне тебя учить.

Они заторопились, и с громким топотом ушли. Где-то за дверями послышался шум отъезжающей машины. Татьяна Викторовна протянула руку и помогла мне подняться на ноги. Они были ватные и еле слушались. Я тут-же присела на диван. Так вот она какая, могущественная Татьяна Викторовна, которую все боятся. Женщина лет сорока, весьма недурна собою, и дорого одетая. Вся в золоте. Такая точно живой меня не выпустит.

— Ты кто? — спросила она.

— Я Оля. Меня Марина попросила подменить её на два часа, пока она за товаром съездит.

— Откуда ты её знаешь?

— Да мы всего два месяца знакомы. Она снимает в нашем подъезде квартиру.

— Ясно, проверим. Теперь уходи отсюда.

— Вы? Меня отпускаете?

— Отпускаю, всё равно от меня ты никуда не денешься. Мне ты не нужна. Уходи, пока не передумала, и забудь про всё. И про Марину тоже. Её ты больше не увидишь. Всё, убирайся. Вот твоя сумка. Выход там. Пойдёшь прямо по тропинке, там выйдешь на дорогу. Поймаешь попутку или сама дошлёпаешь. До города два километра.

Не веря своему спасению, я молча встала с дивана и нетвёрдой походкой вышла на улицу. Вокруг теснились высокие деревья, шелестя листвой, повсюду рос густой кустарник. Мирно щебетали птицы. Я шла по дорожке мимо каких-то дачных построек. Наконец я вышла на обочину широкой асфальтовой дороги.

... Я кое как добралась до своего дома. Грудная клетка болела и в нескольких местах на ней красовались багровые синяки. Я чувствовала, что одно ребро слева сломано, и отзывалось при каждом глубоком вдохе простреливающей болью. Через всю шею протянулась череда кровоподтёков, и глотать я могла с большим трудом. Голос пропал напрочь. Тем не менее,

мне повезло. Взяв больничный на две недели, я отлежалась и вернулась к своей привычной жизни. Своих похитителей я больше никогда не видела. Марина так же исчезла, а магазин закрылся. Через месяц он стал продуктовым, и там уже во всю орудовал другой хозяин. Он набирал реализаторов, но я предпочитала теперь проходить мимо него только с другой стороны улицы. С тех пор прошло почти десять лет, и я решилась наконец поведать свою историю.

ARHIMED